© 1998 г.

А.С. Русяева

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ ИОНИЙЦАМИ ОЛЬВИИ

Мысленно обозревая длительный период изучения Ольвии, каждый раз убеждаешься в том, что все работы, написанные после ее локализации и первых археологических раскопок, в той или иной мере способствовали и способствуют формированию более глубокого понимания многих вопросов ее истории и культуры, в том числе и времени основания, которое является определенным показателем как ее исторического развития, так и наших знаний о ней. Благодаря усилиям ученых разных эпох и направлений в исследовании Ольвии, кажется, не должно было остаться ничего такого, что препятствовало бы убедительному выяснению реальной даты ее возникновения. Тем не менее и сейчас нельзя не заметить, что в научной литературе об этом полисе существуют разные и появляются все новые точки зрения относительно данного вопроса. Одни даты заменяются другими и обновляются, ранее высказанные – берутся под сомнение, подвергаются переоценке и переосмыслению. Одновременно с таким в общем-то закономерным в науке процессом отдельные авторы, пожалуй, чересчур доверчиво воспринимают те или иные положения, лишь изредка пытаясь состыковать их с собственными знаниями и представлениями. В данном случае не всегда учитывается, что это может быть скорее концептуально-спорное, а не совсем верное решение или утверждение, в котором кроется заведомо скрытая преграда к настоящему научному поиску.

Как бы то ни было, но несмотря на существование разных дат, где одна из них то утверждается, то отвергается, неизменно устойчивой остается сама Ольвия. Благодаря ее археологическим богатствам, постоянно возрастающим и пополняемым все новыми источниками, очевидно, и современные исследователи должны находиться в поисках новых форм и способов для выяснения хронологической «загадки» ее основания на берегу Гипаниса. Поэтому поставленный в названии этой статьи вопрос отнюдь нельзя считать просто риторическим.

Прежде всего следует отметить, что из всех милетских апойкий на Понте Евксинском Ольвия, несмотря на самую лучшую изученность как в археологическом, так и научном плане, относится к тем немногим из них, время возникновения которых до сих пор точно не определено, что, по-видимому, породило большое количество разных версий. Более того, именно оно особенно интересует современных исследователей, решивших уже много вопросов из истории, экономики и культуры не только собственно самого города, но и государства в целом с его обширной аграрной зоной.

За все время изучения Ольвии было выдвинуто в общем 14 различных дат. Не имея возможности широко – тем более конкретно и детально – представить здесь все высказанные по тому или иному случаю соображения относительно времени основания этой милетской колонии, все же следует назвать основные даты, которые так или иначе фигурируют в публикациях. Эти даты, хотя и определялись исследователями разных поколений и направлений, что, разумеется, не может подвергаться их равнозначной критической оценке, кажутся все же весьма показательными в том плане, что в своем большинстве не подкрепляются рассмотрением какого-либо одного или совокупности источников. Насколько известно, не было проанализировано во всей полноте и единственное письменное свидетельство Пс.-Скимна (804–809 Müller, 809–814 Diller) об основании Ольвии в сочетании со всем комплексом археологических и исторических данных.

№ п/п	Даты	Исследователи, годы
1	655/4 или 645/4 г. до н.э.	Уваров, 1851; Латышев, 1887
2	Вторая треть VII в.	Фармаковский, 1914, 1915
3	Вторая половина VII в.	Блаватская, 1952
4	Рубеж VII–VI вв. или начало VI в.	Виноградов, 1971, 1976, 1983, 1989; Копейкина, 1976, 1986
5	Начало VI в.	Доманский, 1979; Русяева, 1979; Леви, 1985; Ehrhardt, 1983
6	90–80-е годы VI в.	Виноградов, Доманский, Марченко, 1990
7	Начало или первая четверть VI в.	Гайдукевич, 1955; Славин, 1959; 1967, Русяева, 1986, 1994
8	Начало или первая половина VI в.	Шелов, 1984
9	Первая четверть VI в.	Анохин, 1989
10	Вторая четверть VI в.	Книпович, 1934; Капошина, 1956; Блаватский, 1959; Марченко, 1979, 1980; Яйленко, 1983; Карышковский, Клейман, 1985
11	Первая половина VI в.	Wąsowicz, 1975; Крыжицкий, 1979; Рубан, 1988
12	Вторая четверть – середина VI в.	Жебелёв, 1953; Отрешко, 1990; Крыжицкий, Крапивина, Лейпунская, 1994
13	Середина VI в.	Скуднова, 1960; Яйленко, 1983; Крыжицкий, 1985; Крыжицкий, Отрешко, 1986; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989
14	Вторая половина VI в.	Болтенко, 1930; Скржинская, 1994

Итак, даты основания Ольвии, начиная от самой ранней и кончая самой поздней, распределяются следующим образом (табл.)[1].

Действительно, как видно из представленной таблицы, хронологический диапазон основания Ольвии чрезвычайно широк. Первые исследователи ее истории опирались только на свидетельства Евсевия и Пс.-Скимна[2], что вполне оправданно вследствие крайней незначительности археологических источников в их время. Но как только таковые попали в поле зрения ученых, перед ними были поставлены более сложные вопросы корреляции археологии с письменной традицией, что не всегда совпадало и поддавалось сближению[3]. Впоследствии логически обоснованная гипотеза М.Ф. Болтенко о том, что свидетельство Евсевия об основании Борисфена во 2-м году 33-й Олимпиады (647/646 г. – Euseb. Chron. can. 95 в Helm) необходимо соотносить с возникновением Березанского поселения, была принята по существу всеми учеными, и теперь его никто не относит к основанию Ольвии[4].

---

[1] В таблице приводятся не все публикации, в которых шла речь о времени основания Ольвии. Основное внимание обращалось на выделение разных дат. Полное указание библиографических сведений содержится в дальнейших примечаниях.

[2] *Уваров А.С.* Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. Вып. 1. СПб., 1851. С. 71; *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 37 сл.

[3] См. *Фармаковский Б.В.* Архаический период на юге России // МАР. 1914. 34. С. 17; *он же.* Ольвия. Пг., 1915. С. 30.

[4] *Болтенко М.Ф.* До питання про час виникнення та назву давнішої йонійської оселі над Бористеном // Вісник Одеської комісії краєзнавства. 1930. 4/5. С. 38. Предположение Т.В. Блаватской (Западнопонтийские города в VII–I вв. до нашей эры. М., 1952. С. 33.) об одновременном возникновении Ольвии и Борисфениды (т.е. Борисфена), а также Аполлонии Понтийской, Истрии и Пантикапея во второй половине VII в. считала необоснованным еще С.И. Капошина (Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. 50. С. 238).

После работы М.Ф. Болтенко в течение 30 лет для Ольвии были выдвинуты более поздние, но разные даты: от начала до второй половины VI в.[5] Однако ни одна из них не была надлежащим образом обоснована. Довольно часто исследователи не рассматривают те источники, по которым определена приводимая ими дата. Значительно реже для каждого временнóго отрезка относительно последовательно строится и логически мотивируется собственный взгляд на основные критерии датировки.

Только в последней четверти нашего века появились работы, в которых в той или иной степени производилось обоснование кажущейся исследователю наиболее правильной датировки. До настоящего времени с устойчивым постоянством раннее возникновение Ольвии поддерживает Ю.Г. Виноградов[6]. По его мнению, «археологические данные окончательно заставляют отнести основание города Ольвии примерно к рубежу VII–VI, самое позднее к началу VI в., что укладывается в широкие хронологические рамки сообщения Пс.-Скимна, но минимум на полвека отстоит от даты Евсевия»[7]. Анализ архаической керамики из раскопок Ольвии позволил и Л.В. Копейкиной считать эту дату наиболее приемлемой[8]. В основу определения такой даты был положен археологический критерий в сопоставлении со справкой Пс.-Скимна о том, что Ольвия была основана милетянами «во время мидийского владычества»[9]. Близкое к вышеназванной дате время возникновения нижнебугской апойкии называлось в исследованиях многих авторов, в том числе и тех, кто сейчас начал придерживаться иной точки зрения[10].

---

[5] Например: *Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII–V вв. до н.э. // ИГАИМК. 1934. 104. С. 103; *Леви Е.И.* Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии // СА. 1941. VII. С. 316; *она же.* Ольвийская агора // МИА. 1956. 50. С. 42; *Жебелёв С.А.* Северное Причерноморье. М., 1953. С. 263; *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. – Л., 1955. С. 31; *Капошина.* Ук. соч. С. 238; *Славін Л.М.* Ольвія // Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957. С. 247; *он же.* Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСПАЭ. С. 91; *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных городов в Северном Причерноморье // ПИСПАЭ. С. 13; *Скуднова В.М.* К вопросу о датировке архаической Ольвии // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л., 1960. С. 12 сл.

[6] *Виноградов Ю.Г.* Из истории архаической Ольвии // СА. 1971. 2. С. 232 сл.; *он же.* О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М. – Л., 1976. С. 80 сл.; *он же.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. С. 367; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. (Историко-эпиграфическое исследование). М., 1989. С. 36 и др.; *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz. 1997. S. 75, 141, 382.

[7] *Виноградов.* Политическая история... С. 36 сл.

[8] *Копейкина Л.В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. С. 139; *она же.* Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднестровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сб. Л., 1986. № 27. С. 27.

[9] *Виноградов.* Политическая история... С. 34–36.

[10] Ср., например: *Доманский Я.В., Копейкина Л.В., Марченко К.К.* Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н.э. (Березань, Ольвия, Ольвийская округа) // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Тез. докл. Л., 1973. С. 12; *Доманский Я.В.* О характере греческой колонизации и послеколонизационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 86; *Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 3; *Марченко К.К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 137 сл.; *Крижицький С.Д., Русяєва А.С.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. 28. С. 21, 22, 25; *Крыжицкий С.Д.* О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. С. 119 сл.; *он же.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 174; *Русяєва А.С.* До питання про початкове заселення греками Північно-Західного Причорноморь'я // Український історичний журнал. 1979.6. С. 106; *она же.* Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия // ВДИ. 1986. № 2. С. 42, 62; *она же.* Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. № 4. С. 101; *Wąsowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. Paris – Besançon, 1975. P. 23–25, 54 suiv.; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein – New York, 1983. S. 76 (с библиографией) и др.

Однако ограниченное количество ранней керамики, отсутствие синхронных хозяйственно-жилых комплексов, относительно широкая хронология «мидийского владычества» Пс.-Скимна в пределах от 709/8 (или 687) до 550/49 (или 559/8) годов способствовали одновременно выделению более поздних дат основания Ольвии[11]. Кроме того, некоторые их приверженцы начали подменять одни понятия другими. Например, чтобы в наибольшей степени приблизить сведения Пс-.Скимна к массовому керамическому материалу и строительной деятельности на территории города В.П. Яйленко под мидийским владычеством предлагает понимать лидийское[12]. Создается впечатление, что это просто экспериментальный вариант решения рассматриваемого вопроса. В стремлении во что бы то ни стало обосновать собственную концепцию автор фактически свел свои рассуждения к изложению лидийско-персидско-греческих взаимоотношений и конфликтов вплоть до падения Милета (494 г.). В итоге это позволило ему утверждать, что Ольвия была основана в середине VI в., однако вместе с тем, что ее же основание, как и Пантикапея, следует относить ко второй четверти этого столетия[13].

В свою очередь, интерпретация В.П. Яйленко послужила поводом считать, что сведения Пс-.Скимна практического значения вообще не имеют[14]. Поэтому основным критерием для выяснения времени возникновения Ольвии в середине VI в. С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко избрали чисто археологический, в котором принципиальное значение отводилось наличию соответствующего культурного слоя и строительных остатков в городе, поскольку, по их мнению, керамики было не настолько много, чтобы считать ее одним из главных источников.

Совершенно иной методический подход к выяснению даты основания Ольвии был предложен не так давно Ю.Г. Виноградовым, Я.В. Доманским и К.К. Марченко, которые в значительной степени скорректировали собственные взгляды, чтобы сообща прийти к наиболее приемлемому решению этого дискуссионного вопроса[15]. Проанализировав письменные и археологические источники, они полагают, что Ольвия была основана в 90–80-е годы VI в. Здесь особенного внимания заслуживают привлечение ими более широкого круга археологических источников, попытка теоретического осмысления основных фактов и критериев, в том числе и письменных, которые в совокупности могут способствовать определению более узких хронологических рамок, в пределах которых на берегу Гипаниса обосновались колонисты. Наиболее поздняя дата (вторая половина VI в.) на основании справки Пс.-Скимна была высказана еще М.Ф. Болтенко, который под мидийским господством предпочитал понимать персидское[16]. Его мнение относительно времени основания Ольвии было проигнорировано практически всеми учеными и почти забыто. Его, возможно, и не следовало бы здесь упоминать, если бы совсем недавно не была возобновлена сходная интерпретация информации Пс.-Скимна[17].

---

[11] Большинство из них относительны. Ср. *Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 10; *Рубан В.В.* Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1988. С. 8; *Анохин В.А.* Монеты античных государств Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 6; *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 21; *Отрешко В.М.* Ольвийская хора VI–V вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1990. С. 14; *Крижицький С.Д., Лейпунська Н.О., Крапівіна В.В.* // Археологія. 1994. № 2. С. 40.

[12] *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 138.

[13] Там же. С. 138 сл.

[14] *Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 8.

[15] *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 76–85.

[16] *Болтенко.* Ук. соч. С. 38. Ср. *Виноградов.* Политическая история... С. 34.

[17] *Скржинська М.В.* Ольвія в давньогрецьких і латинських писемних джерелах // Археологія. 1994. № 2. С. 130, 139.

При существовании столь многих, к тому же ограниченных хотя бы двумя-тремя десятилетиями дат возникает желание не только в них разобраться, но и попытаться высказать свои соображения и собственное понимание поднятого здесь вопроса. Прежде всего, необходимо сказать, что появились новые археологические материалы, имеющие принципиально важное значение для выяснения некоторых вопросов истории Ольвии в первоначальный период ее существования. В настоящее время не может быть сомнения в том, что в 80–60-е годы VI в. на территории Верхнего города уже функционировали святилища Аполлона Ἰητρός – главного бога милетских основателей многих апойкий на Понте Евксинском, в том числе и Ольвии, а также Матери богов, не менее почитаемой ионийцами[18]. При исследовании нижнего горизонта Западного теменоса на поверхности ненарушенного в редких случаях античного гумуса было обнаружено шесть пятен от кострищ, на которых сохранились мельчайшие остатки обгоревших костей животных и втоптанные в грунт мелкие обломки родосско-ионийской керамики, главным образом наиболее поздней – второй четверти VI в. Такого же типа керамика обнаружена в микроботросе совместно с монетой-стрелкой под траншеей от выборки фундамента храма Аполлона Ἰητρός конца VI в. Мелкие обломки восточногреческой керамики этого же времени зафиксированы в ямках от столбов на территории предполагаемого святилища Матери богов. На отдельных обломках сосудов сохранились посвятительные граффити Аполлону с той же эпиклезой, которые по палеографическим данным совпадают с датировкой самой керамики второй четвертью VI в.[19] Наряду с этим среди архаической полихромной архитектурной терракоты, найденной на Западном теменосе, выделяется очень редкий тип небольших плоских сим, которые имели точно такой же орнамент, как и ионийские тарелки позднего периода стиля «диких козлов», датирующиеся 580–560 гг.[20] Нельзя исключать, что они применялись в Ольвии для украшения алтарей.

Кроме того, при раскопках Западного теменоса в слоях и ботросах второй половины VI – первой половины V в. нередко находились мелкие фрагменты керамики разных категорий первой половины VI в. и один фрагмент даже последней четверти VII в. (хиосские амфоры с белой обмазкой и ионийские амфоры с широкими полосами, кратеры последнего этапа стиля «диких козлов», тарелки, украшенные растительным и геометрическим орнаментом, ионийские килики с точечными розеттами, палочным орнаментом, пурпурными и белыми полосками на внутренней стороне, венком лучей вокруг ножки, довольно редкие восточногреческие кубки с палочным орнаментом, хиосские кубки с белой облицовкой, коринфские арибаллы с изображением пантеры и т.д.)[21].

Весь комплекс этой керамики нельзя относить ни к так называемой «старой» посуде, которая якобы привозилась сюда колонистами ради памяти о родине, ни к привезенной специально с Березани. В данном случае, во-первых, потому, что синхронная керамика была найдена на не нарушенных еще в древности местах, где проводились религиозные обряды; во-вторых, по общепринятой традиции для святилищ и подношений чаще всего специально покупалась новая посуда; в-третьих, такого типа керамику неоднократно находили и продолжают находить при исследовании Ольвии (южное плато Верхнего города и Нижний город)[22].

---

[18] *Русяева*. Милет – Дидимы... С. 42 сл.; *она же*. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 166 сл.; *она же*. Исследования Западного теменоса в Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 124, 128; *eadem*. Investigations of the Western Temenos of Olbia // Anc. Civ. 1994. I, 1. P. 81 f.; *она же*. Культові комплекси Західного теменосу Ольвії. // НА ИА НАН Украины. 1993.

[19] *Русяева*. Милет – Дидимы... С. 42 сл.; *она же*. Исследования... С. 124.

[20] *Русяева*. Новые данные... С. 46.

[21] Подобного типа посуда найдена при исследовании Пантикапея: *Сидорова Н.А*. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ 10. М., 1992. С. 132 сл. Как и здесь, основная их часть датируется второй четвертью VI в.

[22] *Копейкина*. Некоторые итоги... С. 131 сл.

При этом хотелось бы также отметить неравнозначность подбора критериев при выяснении даты основания Ольвии и, например, Березанского поселения (Борисфена) или ранних боспорских апойкий. Ведь для Борисфена и Истрии чаще всего берется информация Евсевия, но не особенно обращается внимание на то, что керамика этого времени исчисляется единичными экземплярами, не говоря уже о том, что вообще отсутствуют жилые сооружения и погребения первой половины VII в. Что же касается Пантикапея, то формально время первичного заселения ограничивается главным образом 90–70-ми годами VI в. до н.э.[23] Эта дата выводится только из наличия на данном памятнике различных групп восточногреческой керамики этого времени, которая по количеству и разнообразию сейчас не больше ольвийской. Фрагменты этой керамики находят на разных участках, особенно на южном плато и Западном теменосе, однако до настоящего времени она в полном объеме не систематизирована и не опубликована так же, как пантикапейская[24]. К тому же в связи с тем, что она чаще всего находится в более поздних комплексах или слоях из-за несохранения и нарушения древнейших участков античного гумуса, ее нередко синхронизируют с аттической посудой, хронология которой лучше разработана. Мало внимания обращается на то, что первопоселенцы вряд ли привезли с собой эту керамику и что торговые связи с Афинами были налажены позднее. Очевидно, не стоит считать, что к массовой столовой посуде в Ольвии в первые десятилетия ее существования относилась родосско-ионийская расписная, а не простая и более дешевая ионийская полосатая керамика, хронология которой в отличие от первой достоверно и надежно не разработана. Одни относят ее к середине – второй половине VI в., другие – концу VII – началу V в.[25]

В пользу ранней даты основания Ольвии, бесспорно, свидетельствует и то, что кроме нее ни в одном из понтийских полисов не открыто теменоса, который бы уже функционировал во второй четверти VI в. К этому можно добавить, что в это время здесь находилась специально созданная бронзовая статуя первого патрона – Аполлона Ἰητρός в калафе и с луком. Ольвиополиты с их менявшимся политическим и религиозным мировоззрением, с историческими переломами в судьбе их государства, кризисами и гибельными варварскими нашествиями сумели сохранить этот кумир, на что указывает его воспроизведение даже на монетах II в. н.э.[26] Лишь в Ольвии, за исключением Березанского поселения, обнаружены наиболее ранние посвятительные граффити и монеты-стрелки.

Немаловажное значение при определении даты основания любой апойкии имеют и погребения. Особенно важны они тем, что древнейшие культурные слои, строительные и хозяйственные комплексы колонии не могут быть открыты из-за многовекового ее существования, уничтожения более поздними постройками, а в Ольвии в значительной мере из-за массового строительства подвалов, применения слоевых оснований, для которых выкапывались глубокие траншеи, множества хозяйственных и мусорных

---

[23] *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора (В связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 18 сл. (с библиографией).

[24] *Сидорова Н.А.* Архаическая керамика из Пантикапея (раскопки 1945–1958 гг.) // МИА. 1962. 103. С. 94–118; *она же.* Архаическая керамика из раскопок Пантикапея 1959–1964 гг. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1968. 4. С. 110–118; *она же.* Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. // СГМИИ. 1992. 10. С. 131–172.

[25] Ср. *Шмидт Р.В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1953. 25. С. 241 сл.; *Hanfman G.M.A.* On Some Eastern Wares Found at Tarsus // The Aegean and the Near East. N. Y., 1956. P. 177–182; *Boardman J., Hages J.* Excavations at Tocra. 1963–1965. The Archaic Deposit, I. L., 1966. P. 111–116; Histria IV. La ceramique d'époque archaïque et classique (VII-e – IV-e s.). Bucureşti – Paris, 1978. P. 58–60; *Сидорова.* Керамика архаического периода... С. 162–164; *Petrowicz W.* Ausgewählte Beispiele ionischer Schalen aus dem Demeter–Heiligtum von Herakleia // Herakleia in Lukanien und das Quellenheiligtum der Demeter. Innsbruck, 1996. S. 195–204.

[26] *Карышковский П.О.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 31 сл. (с лит.); *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 37.

ям и нивелировочных работ при возведении новых домов и общественных сооружений, а также из-за оставления в наше время многих строительных остатков, расположенных над античным гумусом, который, как известно, сохранился в редчайших случаях.

Можно согласиться с Ю.Г. Виноградовым, Я.В. Доманским и К.К. Марченко, что первые погребения в некрополе колоний при определении хронологии основания выглядят предпочтительней, чем культурный слой, обладающий наименьшей информативностью, поскольку чаще всего не содержит материалов, позволяющих установить сравнительно узкую датировку. «A priori, в частности, следует предполагать, что в относительно мирной, благоприятной обстановке, каковая вполне надежно устанавливается ныне для Нижнего Побужья и для всего Северо-Западного Причерноморья архаического периода, сколько-нибудь значительная смертность среди первых колонистов, ядро которых, несомненно, составляли относительно молодые и здоровые мужчины, должна была проявиться не сразу, а через определенный промежуток времени. Иными словами, между датой основания колоний и первой археологической заметной серией погребений в таких условиях проходил более или менее значительный промежуток времени, достигающий, по нашим оценкам, порядка 25/30 лет»[27]. При отсутствии антропологических анализов погребенных архаического времени – это наиболее оптимальный вариант. Правда, нельзя не заметить, что датировки погребений весьма относительны, изучением ольвийского архаического некрополя на современном уровне наших знаний никто целенаправленно не занимался несмотря на то, что каталог большинства могил издан сравнительно недавно[28]. Исходя из предложенной методической посылки в предварительном плане, стоит попытаться хотя бы приблизительно определить количество погребений по данным их публикаций и небольшой перепроверке их хронологии.

Из погребений VI в. (общим количеством более 230) ко второй четверти VI в. можно отнести 5; к 550–540-м гг. – 5; 550–525-м гг. – более 40; к 540–530-м гг. – около 38[29]. В отдельных могилах, в том числе и конца VI в., находились также сосуды второй четверти и второй четверти – середины VI в. Любопытно, что часть ранних сосудов иногда клалась в могилы более поздние, при том что в общем ольвиополиты придерживались традиции, применяя в погребальном обряде новые вещи. Поэтому большинство из названных погребений можно было бы датировать в пределах 550–530-х годов.

Среди общего количества погребений выделяется более 10 детских, большинство из которых относится к наиболее раннему периоду. Разграничение между мужскими и женскими при наличии в них чаще всего только посуды сейчас затруднительно. Бесспорно к мужским относятся лишь 10 с оружием, однако ясно, что их было намного больше. Особенно интересны в этой группе ранних погребений более 15 женских, отличающихся от всех остальных богатым набором погребального инвентаря не смотря на то, что почти все они были разграблены еще в древности. В каждом из них находились остатки золотых и серебряных украшений, а также так называемые каменные блюда, или точила, зеркала и другие редкие вещи. На основании сравнительной характеристики этих данных мной уже была высказана гипотеза, что

---

[27] *Виноградов, Доманский, Марченко.* Ук. соч. С. 80 сл.

[28] *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

[29] *Книпович Т.Н.* Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (По раскопкам 1937 г.) // СА. 1940. № 6. С. 92–106; *она же.* Некрополь на территории Ольвии (Из работ Ольвийской экспедиции 1940 г.). // КСИИМК. 1941. X. С. 112–120; *Скуднова.* Ук. соч. Их могло быть и больше, если бы исследователи керамики разработали хронологию так называемой полосатой ионийской керамики, которой пользовались и в первой половине VI в. и которая сопровождает многие погребения при отсутствии в них аттических сосудов, но датируется по ним, поскольку сходные экземпляры встречаются и в более поздних погребениях. Нельзя исключать и того, что наличие в погребениях только ионийской посуды – не показатель их социального статуса, а указывает на более раннее время, когда прямые связи с Афинами еще не существовали.

отдельные первопоселенцы Ольвии так же, как Истрии, Пантикапея, Нимфея, устанавливали тесные контакты с элитой местных племен, заключая брачные союзы: явное сходство некоторых ярко выраженных элементов погребального культа свидетельствует о том, что первопоселенцы Ольвии вступали в таковые со знатью лесостепных племен[30].

Таким образом, если в основании Ольвии, как и других апойкий, соответственно общепринятой колонизационной практике принимали участие главным образом молодые мужчины, то при минимальном сроке их жизни (50–60 лет) они могли основать Ольвию в промежутке между 590–570 гг.[31]

Можно ли согласовать дату, которая вытекает из археологических источников в их разнообразии и сделанных на их основании выводов, с информацией Пс.-Скимна? Такое сопоставление важно, с одной стороны, потому, что это единственное письменное свидетельство о дате основания Ольвии, а с другой – его надежность за редким исключением не вызывает сомнений у современных исследователей[32]. К тому же она может послужить своеобразным критерием для проверки археологических источников.

Итак, справка Пс.-Скимна звучит следующим образом: «Близ слияния устьев рек Гипаниса и Борисфена находится город, прежде называвшийся Ольвией, а потом эллинами снова названный Борисфеном. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества» (Ps.-Scymn. 809 sq. Diller)[33]. Как видно, автор, составлявший «Периэгесу» в стихотворной форме, хорошо знал историческую литературу своего времени. По мнению М.И. Максимовой, поддержанному Ю.Г. Виноградовым, сопоставившим его сведения в отношении основания понтийских городов, Пс.-Скимн пользовался каким-то надежным трудом об их ктисисе, в котором даты их возникновения синхронизировались с событиями древневосточной истории[34]. В кратком пассаже автора об Ольвии верно отмечены ее географическое расположение, милетское происхождение, а также то, что эллинами она именуется Борисфеном. Основываясь только на их информации, он, возможно, и не знал, что сами жители города продолжали называть его Ольвией.

Как же увязывается с ее основанием приведенная этим автором «злополучная» хронологическая справка κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν? Не вдаваясь в подробности и излишние рассуждения о том, что под этим понимать[35], ее можно считать вполне реальной, если помимо всего остального исходить также из того, что основание Ольвии, как и отмеченные периэгетом изменения в ее наименовании, были не единовременным актом. Общепризнанно, что мидийский царь Киаксар, а затем его сын Астиаг властвовали над огромной территорией[36]. Причем эти земли в основном были завоеваны Киаксаром в последние годы его жизни (590–585 гг.). Астиаг же владел ими, территориально не расширив Мидийскую державу, до середины VI в. Поэтому нельзя исключать, что Пс.-Скимн имел в виду только первоначальное расширение или увеличение территории, завоеванной Киаксаром. Вместе с тем, поскольку большинство исследователей предпочитает сопоставлять его выражение «во время мидийского владычества» с более широкими хронологическими рамками, то и в этом случае они

---

[30] *Русяева А.С.* Духовная культура населения Ольвийского государства: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Киев, 1990. С. 26; *она же*. Религия и культы... С. 179.

[31] Продолжительность жизни эллинов архаического периода мало известна. Но, например, все мудрецы, жившие в разных областях Эллады в VI в., умирали в основном в возрасте 70–80 лет (*Diog. Laert.* I, 11).

[32] *Виноградов, Доманский, Марченко*. Ук. соч. С. 77.

[33] Перевод дан по В.В. Латышеву (SC.I. P. 88) с некоторыми уточнениями автора. Им было опущено наречие πάλι, важное для понимания как акции основания Ольвии, так и ее наименований.

[34] *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.-Л., 1956. С. 49–52; *Виноградов*. Политическая история... С. 34 сл.

[35] О научной несостоятельности подмены мидийского владычества на персидское или лидийское подробно см. *Виноградов*. Политическая история... С. 33–35; *Виноградов, Доманский, Марченко*. Ук. соч. С. 77 сл.

[36] *Дьяконов И.М.* История Мидии. М., 1956. С. 316–322, 415–424.

относительно непротиворечиво могут совпадать с первым и вторым главными этапами в основании Ольвии, с которыми связывается и выяснение ее названия[37].

Мысль о том, что в первой половине VI в. в южной части верхнего города Ольвии существовала небольшая апойкия, высказывалась неоднократно разными учеными[38]. Однако одни понимают под ней простое сельское поселение, другие вслед за И.Б. Брашинским считают, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города», что «развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении»[39]. К этому можно добавить, что численно небольшая группа основателей этой апойкии была самоорганизованной, руководящая же ее часть происходила из родовой аристократии Милета. Возможно, это была одна из тех колонизационных партий или отрядов, ойкистами которых выступали современники первых милетских философов, ведь приверженность ольвиополитов к познаниям и философским рассуждениям проявилась еще в раннее время их истории[40]. Весь комплекс материалов архаической Ольвии показывает, что она по сравнению с другими понтийскими городами выступала как наиболее промилетско настроенная колония. Апойки, исходя, вполне вероятно, из своей приверженности метрополии, называли свое поселение наряду с Борисфеном и Милетополем, сведения о чем Плиний Старший (IV.82) почерпнул, видимо, из сочинений ионийских логографов[41]. Так как последнее название относилось к наиболее раннему времени и просуществовало совсем недолго, оно не приобрело широкой известности, что, впрочем, не означает непременность его полного игнорирования.

Поэтому крайне важно упоминание Пс.-Скимна о том, что Ольвия была вторично (πόλι) переименована в Борисфен, – это можно понимать в том смысле, что первоначально и она именовалась Борисфеном. Реальность такого названия подкрепляется посвятительным граффито на расписной милетской симе второй четверти VI в.[42]

В надписи на костяной пластинке с Березани того же времени зафиксировано и наиболее раннее упоминание Ὀλβίη πόλις, присвоенное оракулом Аполлона в Дидимах[43]. Именно освященное им наименование города – не просто Ольвия (Ὀλβίη, Ὀλβία), подобно многим другим топонимам, но с добавлением термина «полис», который стал обязательным дополнением к названию, вошло навечно и в его этникон. Возможно, что традиция добавлять к названию города термин «полис» идет от топонима «Милетополь», если таковой на самом деле существовал.

Естественно, что название Ὀλβίη πόλις, данное оракулом Аполлона, могло стать сразу широко известным. Однако почему же оно довольно скоро в Элладе вновь было заменено на Борисфен? Представляется, что причина не только в географическом расположении (как бы то ни было, но всем приезжающим в этот регион было известно, что Ольвия лежала на берегу Гипаниса, а не Борисфена), не в незнании местоположения апойкии Борисфен и самой Ольвии, не в путанице одного топонима с другим, хотя для некоторых и это могло иметь значение. Одну из причин такого

---

[37] Мидийское владычество логично начинать со времени (590–585 гг.), когда Киаксар властвовал уже над всеми завоеванными им землями, включая Северную Месопотамию, Гирканию, Парфию, Персию, Элам, страну маннеев, Урарту и часть Малой Азии до р. Галис на границе с Лидией (*Дьяконов*. Ук. соч. С. 321 сл.).

[38] *Wąsowicz*. Op. cit. P. 41, 54 suiv.; *Русяєва А.С.* Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н.е. // Археологія. 1979. № 30. С. 6; *она же*. Милет – Дидимы... С. 54 сл.; *Виноградов*. Политическая история... С. 46 сл.; *Рубан*. Ук. соч. С. 8.

[39] Ср. рец. *Брашинский И.Б.* // СА. 1977. № 2. С. 301 сл.; *Виноградов*. Полис... С. 389; *он же*. Политическая история... С. 47; *Русяева*. Милет – Дидимы... С. 52.

[40] *Русяева*. Религия и культы... С. 6 сл.

[41] О других точках зрения см. *Карышковский П.О.* Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. II (35). С. 75–80; *Виноградов*. Политическая история... С. 25–30 (с лит.).

[42] *Русяева*. Милет – Дидимы... С. 42 сл.; *Vinogradov Ju*. Bull. ép. 1990, 549. P. 546.

[43] *Русяева*. Милет – Дидимы... С. 26 сл.; *Виноградов*. Политическая история... С. 78 сл.;*Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2. С. 155 сл.

уникального в античном мире отношения средиземноморских эллинов к названию крупного северопонтийского полиса следует, видимо, искать в чем-то другом. Возможной версией может быть то, что наименование Ὀλβίη πόλις было дано городу дидимским оракулом Аполлона при Бранхидах, которые после падения Милета в 494 г. и завоевания Ионии персами перешли на их сторону, передав им огромные богатства аполлоновского святилища, вследствие чего были преданы эллинами проклятию. Во всяком случае ни один из оракулов Аполлона Дидимского об основании милетских колоний – а таковы, несомненно, были – не сохранился в античной литературе.

Сами ольвиополиты, оставаясь на громадном расстоянии от всех бед своей метрополии, продолжали свято хранить освященное Аполлоном название. Когда именно произошло это ритуальное переименование, точно установить вряд ли удастся. Известно лишь, что в пределах третьей четверти VI в. информация о нем была зафиксирована на упоминаемой выше костяной пластинке с Березанского поселения. Исходя же из хронологии справки Пс.-Скимна в сопоставлении ее с данной надписью, переименование Борисфена на Ольвийский полис могло произойти около середины VI в., т.е. в конце мидийского владычества. Если это так, то уточнение κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν не покажется чем-то нереальным и не сопоставимым с древнейшими археологическими памятниками Ольвии.

В результате всего сказанного относительные хронологические рамки основания Ольвии можно ограничить, с одной стороны, 90–70-ми годами, когда на ее территории возникла небольшая апойкия, искони названная Борисфеном, но, вероятно, самими колонистами именовавшаяся Милетополем, и с другой – 60–50-ми годами VI в., когда прибытие новой партии колонистов изменило всю ситуацию в нижнебугском регионе. Только социально-политические неурядицы, весьма присущие многим полисам периода поэтапной колонизации, могли стать главной причиной обращения к дидимскому оракулу, вследствие чего было получено не только совершенно новое, побуждавшее к установлению мира и спокойствия в полисе название, но и введен новый культ его верховного покровителя (вместо Аполлона Ἰητρός – Аполлон Δελφίνιος) вместе с новым символом последнего в виде денежного знака – отлитого в бронзе дельфина. Тем самым Ольвия в определенной степени обособилась особенно в религиозном плане от других милетских колоний на Понте.

Иными словами, главное направление научных поисков выяснения поставленного вопроса, которое, разумеется, еще нельзя считать завершенным, заложено в том, чтобы свести воедино и проанализировать весь комплекс имеющихся на сегодняшний день источников: из них наименее изученными следует признать керамику, ведь до сих пор так и неизвестно, какое конкретно количество керамических фрагментов – не только греческого производства, но и лепной посуды – относится к концу VII в., началу, первой и второй четвертям VI в., с какими другими изделиями они синхронны.

Хочется надеяться, что настоящая статья, посвященная решению важной научной проблемы – конкретной даты основания Ольвии, – послужит стимулом для дальнейших исследований.

ON THE IONIAN FOUNDATION OF OLBIA

A.S. Rusyaeva

Though of all the Milesian colonies on Pontus Euxinus Olbia is best studied in archaeological and scientific terms, it is one of those few the foundation dates of which have not been precisely determined yet. Altogether dates have been suggested in the course of studies, langing from the mid VIIth c. to the second half of the VI c. B.C. Of late new archaeological materials have come to light which are of extreme importance for establishing the date of Olbia's foundation: in the 80 – 60s of the VI c. B.C. the sanctuarius of Apollo Ietros and of the Mother of gods were already in existence in the central part of the Upper Town. The comparative analysis of the burial inventory from the two archaic necropoleis of Olbia

shows that about 50% of all burials are dated to 550–530 and 550–540, several of them belong to an even earlier period. Since the majority of the colonists were young people, the earlier burials are not at variance with the foundation data of ca. 590–570. Ps-Scymm's evidence may also be seen as quite realistic and not contradictory if one proceeds from the fact that colonization of Olbia was not a one-time act. His statement that Olbia was then renamed Borysthenes a second time is likewise important. Formally the framework of the two-stage foundation of the *apoikia* may be limited by 90–70 of the VIth c., the arrival date of the first group of colonists, and by 60–50 of the same century when the new *epoikoi* appeared on the scene and contributed to renaming it Olbia (Olbiopolis) with the help of oracle Apollo of Didyma, introducing a new cult of supreme protector Apollo Delphinios and a coin connected with the latter in the shape of a cast model of a dolphin.

© 1998 г.

С.Д. Крыжицкий

ХРАМ АПОЛЛОНА ВРАЧА НА ЗАПАДНОМ ТЕМЕНОСЕ ОЛЬВИИ

(*Опыт реконструкции*)

В 80-е годы экспедицией Института археологии АНУ в Ольвии были открыты in situ остатки храма конца VI – начала V в. до н.э., а также комплекс архаической архитектурной терракоты, близкие по времени две базы полуколонн и два фрагмента капителей ионического ордера[1]. Факт этих находок как по их комплексности и содержанию, так и по ранней датировке уникален для Северного Причерноморья и позволяет с довольно высокой степенью достоверности предложить графическую реконструкцию одного из наиболее ранних в Северном Причерноморье храмов.

Храм располагался на расстоянии 2,3 м от западной ограды второго теменоса Ольвии. Кладка ограды двухлицевая. По отношению к храму она находится под острым углом и примерно на 0,5 м выше верха фундамента храма. Все это свидетельствует о том, что ограда была построена позднее храма и отношения к нему не имела. Судя по находке рядом с храмом и на его уровне круглого алтаря диаметром около 1 м, аналогичные постройки могли находиться и на месте будущей западной ограды. Храм ориентирован на юг.

Прежде всего кратко охарактеризуем представляющие интерес с точки зрения реконструкции имеющиеся фактические данные.

Остатки храма, открытые in situ. В ходе раскопок на Западном теменосе были раскрыты траншеи от выборок фундамента храма и две плиты фундамента стены, отделявшей наос от пронаоса[2] (рис. 1). Ширина траншей в среднем 0,65–0,75 м (глубина траншей 0,05–0,07 м и 0,15–0,20 м от вымостки внутри храма); верхняя плоскость фундамента на 0,05–0,06 м выше вымостки внутри храма[3]; ширина фундамента 0,05–0,54 м[4].

---

[1]*Русяева А.С.* Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // АДСП. 1988; *она же.* Дидимы – Милет – Борисфен – Ольвия // ВДИ. 1986. № 2; *она же.* Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4; *она же.* Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // АДСП. 1988; *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С 69; *Rusjaeva A.S.* Investigations of the Western Temenos of Olbia // Anc. Civ. 1994. I. 1. P. 80–102.

[2]*Русяева.* Исследования... С. 125.

[3]*Русяева А.С.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1986 г. (участок АГД) / Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф.Е., № 21961. 1986/5а. Л. 14.

[4]Между обмерными чертежами, проведенным нами контрольным обмером и текстом научного отчета о раскопках в 1986 г. (*Русяева.* Отчет...) имеются небольшие несоответствия. Они частично объясняются